

На долгой монгольской равнине,
Где небо и горы в огне,
Кочует с печалью о сыне
На хмуром мохнатом коне
Безмолвная мать Чингисхана.
Куда ее гонят ветра?
Под сень ли сыновнего стана?
Иль прочь от пустого шатра?
Ни гнева, ни слез, ни порыва...
Где плоть ее – раб иль каган?
Колеблется конская грива,
Лицо – словно серый туман.
Байкальского рода меркитов
Та самая – мать Темучи...
Свершилось, что было сокрыто.
Мир страшен – кричи не кричи!
Как черная буря из Гоби,
Поет в ее сердце беда.
Ее – он был только в утробе,
А нынче далек, как звезда.

* * *

Сородичи – злые нойоны –
Упали на юрты вчера,
Связали под вопли и стоны,
Смеялись под пляски костра.
В колодку-кангу заковали,
Всю шею сдавив Темучи.
И плеткой сырою хлестали,
Глумясь, как враги-палачи.
От стиснутой деревом шеи
Все тело горело в огне.
И алые молнии-змеи
Струились по голой спине.
В плену он... Кто матери скажет:

Он жив ли – батыр и герой?
А может, бежал из-под стражи?
А может, под хохот и вой
Затравлен собаками?.. Боже!..
Все едет, все едет хатун.
Никто ей уже не поможет
В чреде убывающих лун.

* * *

...Когда разлетится колодка,
Какие ударят грома?!
Дар Неба – не рабская плетка:
То мать прозревает сама.
Как знамя небес азиатских,
Покинув враждебный улус,
Из мрака урочищ аратских
Звезда вознесется Монгус!
Затмится светил половина
Звездой, чье имя Чингис.
И лопнет земли пуповина,
И горы покатаются вниз,
Очнется вселенское лихо...
Но сын ее пленник пока.
Таинственно, мудро и тихо
Небесная мреет река.
Когда еще соколы хана –
Любимцы Тулуй и Бату –
Падут на бессильные страны,
Весь мир превращая в Орду.
Пусть мать и не ведает близкой
Беды, что посеет война.
Пусть едет по степи Хентийской
Тинственной тенью она.

Двуосную Степи основу
Раздавит копытная Тьма,
А тихое ханское слово
Прокатится, словно грома.
Так будет!
Роды и народы
К Владыки ногам упадут,
Звук клятв перед ликом природы
Взыскует и милость и суд.

Баргуты, туматы, кыпчаки,
Татары, уйгуры – все-все
Сойдутся под ханские стяги,
Став слугами Ясы!
И се
Державою станет.
Из пленных,
Из дальних чащоб и полей
Шлют хану коней драгоценных
Да черных, как смоль, соболей...

* * *

Благое да сеется семя! –
Рек бывший колодник. – Так вот:
Пусть выживет каждое племя,
Пусть дружит с народом народ.
Пусть с небом все соединятся
В один необъятный Улус,
Чтоб жить ради Правды стараться,
И Правда скрепит их союз!
Пусть станет над ханством великим
Великой души господин.
Орды племена стоязыки
Лихих пусть не знают годин.
...Но знать ли равняется с чернью?
С рабами не пьют богачи.
Хоть вышел в Чингисы кочевник,
Нойоны все мстят Темучи:
Есть каждого племени ханы –
Кровь разная, песня своя!
Где юрта под стать великана,
Чтоб села в ней Мира семья?

* * *

Все разом обняться не сможем,
В сто змей расползутся пути.
Владыку рабов уничтожим,
Тропу свою чтобы найти.
Так рухнет же знамя Чингиса!..
Есть доли-долины свои:
Кому-то лосниться от риса,
Кому-то труды да бои.

Ведь даже два брата забыли
Кровь Рода – как псы на цепи:
Сердца их лиц застыли,
Как древние камни в Степи.
Так шепчут нойоны заглазно,
Стравляя с народом народ.
При хане – кивая согласно.
Нет хана – и каждый плюет.
То мать Темучи и не знает...
Но Сыну дарован Простор!
Златая звезда прозревает,
Грозя из-за каменных гор...

* * *

Качаясь в повозке злаченной,
Чингис движет тьмы на Закат.
Ор войск, и рыдания, и стоны
За ним, словно чайки, летят
За лодкой рыбацкой... Качаясь,
В повозке злаченной он спит.
И тучами пыли вздымаясь,
Война на Закате кипит.
Волнуется в сердце победа.
Сон Хана, как пламя, встает.
Сребристое облачко света
Таинственным знаком плывет
За ним в поднебесье... Вдруг – махом! –
мир гаснет. И – сажей на снег –
Вся жизнь идет комом и прахом,
И мраком кончается Век...
Где Хана тумены промчались,
Пиры для волков и орлов,
Над трупами псы одичали,
И нет ни овец, ни коров.
Война, без пожара и мора,
Жрет все, что скопили года.
Раздавлены оси Простора,
Мир скачет туда и сюда.
Где рыскали стаи нухуров,
Посеяны угли и кость.
...И дети врагов-багатуров
Разрублены надвое вкось!
...По-прежнему, тихо качаясь,

В повозке злаченной спит Хан.
И сны золотые, вздымаясь,
Текут, как Небес океан.
Но дернется ус его рыжий,
И – трепет в коленях владык:
Становятся ниже и тише
Улусы Великой Орды.

Труд матери – служба творенья,
Где нежность, печаль и любовь
Рождают иное горенье,
И Року здесь не прекословь!
Под сердцем взлелея младенца,
В слезах и мученьях родив,
Мать может лишь в очи взглядеться,
Грядущее ж – словно обрыв.
В груди, что полна молоком лишь,
Ни зависть, ни злость не живут –
Лишь звук колыбельной вспомнишь
Под сенью родительских юрт.
И мать ли виновна в жестоком
Порядке на долгой земле,
Где демоны борются с богом,
И – чья-то печать на челе...
...Чингиса текучие рати
Сметают страну за страной.
Сдаются, лишь Имени ради,
Орде и эмир, и герой.
Невольницы, девы и вдовы
Рожают по следу войны
Детей, что в Отечестве новом
Не знают отцовской вины.
Их матери плачут ночами,
И скорбь над вселенной стоит...
Кого называть палачами?
Кого же Господь обвинит?

...И груди красавиц не ядом,
А гнойным полны молоком.
Младенцы мертвы или взяты,
Ком огненных игл под соском.
В очах боли марево брезжит,
Под кожей – холмы мурашей.
...А грудь кто в отчаянье взрежет –
Гной брызнет по следу ножей.

...Пусть души от ужаса голы,
Пусть демоны Богу грозят,
Но кони сквозь степи и горы
На крепких ногах прорысят.
...Смешаются крови жестоко:
Тавром на столетних листах
Широкие скулы Востока
Проступят в Европы чертах.
Но матери грозного Хана
Не ведать о знаках судеб.
Есть линии Божьего плана,
Есть вечные Небо и Хлеб.
Пусть травные ветры Отчизны
Смирят мыслей огненных рать.
Хентийская степь, поле жизни
Врачует великую Мать,
Врачует красой и покоем...
Мать вдаль едет, зная одно,
Лицо наклоня – но какое?..
Не видно, какое оно...

*перевод с алтайского
Владимира Берязва*